

Стратегия экономического развития

УДК 330.341.4

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

О. С. СУХАРЕВ,

*доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник*

E-mail: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук

В статье рассматривается проблема концептуального обоснования и выбора макроэкономической политики, которая бы позволяла решать стоящие перед экономикой задачи, включая противодействие кризису и ликвидацию диспропорций. Автор демонстрирует качественные изменения в развитии российского машиностроения и лесопромышленного сектора на простейшей структурной модели.

Ключевые слова: макроэкономика, политика, экономика, рост, структура, машиностроение, кризис, сектор экономики.

Макроэкономические атрибуты экономического развития и роста

В начале 2011 г. в преддверии открытия гайдоровского форума «Россия и мир: в поисках инновационной стратегии» ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ В. Мау высказал предположение, что индустриальная эпоха закончилась. Мир и вместе с ним Россия вступают в стадию новых технологических драйверов роста. Кроме того, предметом полемики становятся такие острые вопросы, как: что для экономики важнее – низкий рубль или низкая инфляция вместе с процентными

банковскими ставками? Бюджетный дефицит или бюджетные деньги для инновационного роста? Как увеличивать денежное предложение, но без роста инфляции? Надо ли поддерживать укрепление рубля или отказаться от сдерживания плавающего курса рубля? [2]. Обсуждалась модель социального поведения в постиндустриальном обществе¹, где все больше людей, как утверждалось, будут надеяться только на себя, будет преобладать число самозанятых граждан, а частные деньги будут важнее денег государства.

Но ведь реалии сегодняшнего дня таковы, что Россия не вступает в эру новых драйверов экономического роста, поскольку для нее индустриальная эпоха если и закончилась, то не по причине перехода в иную, следующую по развитости производительных сил эпоху, а по причине абсолютной утраты индустриальной мощи, разрушения производств, причем этот процесс не прекращался и в годы экономического роста.

Более того, группа экспертов, корректирующих стратегию социально-экономического развития

¹ Автор считает, что такого общества быть не может ни на практике, ни в теории.

России до 2020 г., расходятся во мнении, что проводимая экономическая политика является неудовлетворительной, поскольку Россия превращается в бедную, люмпенизирующуюся страну [4]. Свои выводы они подкрепляют положениями, что агенты безынициативны, культура бедности возрастает, даже несмотря на сокращение с 2000 г. числа бедных почти втрое, за счет концентрации детей в бедных семьях и снижения качества человеческого потенциала.

В период 2000–2008 гг., который является периодом довольно высокого роста, главной чертой являлось то, что этот рост не изменял качественных параметров системы существенным образом и происходил при сниженном значении реальных факторов. В основном этот рост полагался на монетарные факторы – спекулятивную основу (сырье и хорошую мировую конъюнктуру). Высокие процентные ставки привлекали капитал, который решал свои задачи, но не развивал российской экономики. Одновременно приватизация разрушала индустриальную основу роста, превращала отдельных производителей в монополистов, уничтожала многие виды производств. Поэтому не отсутствие конкуренции является ограничителем роста, а институциональные изменения, которые не управляются и приводят к росту монополизма, сокращению ассортимента выпуска, привязке внутреннего рынка к импорту. Российская экономика очень сильно структурно зависима. По крайней мере по многим направлениям эта зависимость довольно существенна. Проектирование макроэкономической политики должно учитывать те реалии, которые наблюдаемы. Тезис относительно закрытости системы просто неверен, как и положение о недостаточности конкуренции. Оно, может, справедливо по формулировке (как итог), но оно не отражает причины, не устранимой в рамках стереотипных инструментов макроэкономической политики.

Желание экспертов снижать инфляцию до уровня в 3,5% в год как главную причину бедности и расслоения означает только одно – сохранение прежних ориентиров экономической политики, вытекающей из общей логики монетаризма, разбавленной необходимостью институциональных реформ. Причем экспертное заключение явно не учитывает вероятности грядущей девальвации, поскольку курс рубля удерживается, а соотношение экспорт – импорт продолжает ухудшаться при абсолютной негативной стабильности в области общей

конкурентоспособности. Конкуренция в реальном секторе, который на 38% убыточен либо на грани этого, ничего не даст, да и невозможна, поскольку без решения проблемы формирования структуры этого сектора и производств говорить о конкуренции в нем бессмысленно.

Действительно, и высокая норма сбережений, и укрепление экспортных производств несырьевого содержания будут полезным шагом экономической политики. Но результат определится не нормой сбережений, а их структурой и умением использовать имеющиеся сбережения с наибольшей эффективностью, что определяется состоянием финансовой и банковской систем. Россия подвержена эффекту «голландской болезни», но разовыми или даже перманентными девальвациями эту проблему решить невозможно, потому что девальвация имеет значение, как и аспирин при гриппе, т.е. камуфлирует проблему эффективности и конкурентоспособности, облегчая функционирование, как аспирин купирует жар и температуру. Но борется с болезнью организм, поскольку он обладает силами бороться, и не борется, если иммунитет недостаточен. В последнем случае нужны дополнительные препараты для борьбы и победы над инфекцией. В данном случае необходимы воздействия на структуру экономики, только не продолжающаяся бессистемная приватизация, заканчивающаяся потерей кадров, направлений деятельности фирм, рынков и т.д. Сопrotивление растущему импорту, а также инфляции, которая превышает инфляцию в Европе, делая российские товары неконкурентоспособными, возможно не девальвациями, которые являются местным лекарством, а длительной ориентацией на развитие промышленной структуры, ориентированной на внутренний и внешний рынок.

Постановка многих обозначенных вопросов, содержащихся в экспертном заключении, мнениях правительственных экономистов, в поверхностно-инструментальном ключе, камуфлирует главные проблемы экономического развития и является продолжением применения неолиберальной логики управления национальным хозяйством (текущим латанием дыр), которая абсолютно не видит проблем и задач управления. Более того, эта логика опирается на новый интеллектуальный фетиш, так называемое постиндустриальное общество, которое является иллюзией, придумкой некоторых экономистов и не отражает тех реалий происходящего, которые обеспечивает жизнь. А эти реалии

таковы, что современный мир не может обходиться без высокоразвитой производительной индустрии, опирающейся на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и широкое внедрение новых достижений науки, будь то промышленность или сельское хозяйство.

Кроме того, современный высокоразвитый индустриализм опирается на умение и высокую скорость обработки и переработки информации, не имеет проблем с тиражированием готовых изделий, но резко ограничен в плане новых идей, кардинальных инноваций, базируется на тех энергоносителях, которые открыты и воспроизведены в XIX и XX вв. Интересно отметить, что после аварии на атомной станции Фукусима вследствие климатического бедствия – цунами некоторые европейские страны, в частности Германия, принимают правительственные и законодательные решения на ограничение либо полный отказ от использования атомной энергетики. Такие решения противоречат логике научно-технического прогресса, тем не менее этого факта исключить нельзя. И он сильно влияет на эффективность применяемой классификации этапов технологического развития, в частности периодизацию этого развития, принимающую вид смены технико-экономических парадигм.

Линейная логика подобной классификации не предполагает обратных решений, т. е. абсолютно не видит фактора управления. Если уж и заниматься выстраиванием подобных классификаций, придавая им объективный характер, то нужно говорить о том, что человеческое общество проходит доэнергетическую фазу, энергетическую (которая наблюдается сейчас), и, возможно, если научно-технический прогресс обеспечит такие решения, подойдет к постэнергетической стадии, но никак не к постиндустриальной. Информация и знание были ценны и нужны как при сельскохозяйственной экономике (традиционной), так и индустриальной, без агрономических знаний нельзя эффективно возделывать землю и решать продовольственную проблему. Один аспект отличает традиционное общество от современного – информация и знания становятся самостоятельным продуктом, товаром, объектом купли-продажи, имеющим и рыночную ценность, причем в массовом значении, так как в прошлые времена ценились ученые люди. Владельцы факторов производства покупали инженеров, агрономов, учителей, приглашали ученых для развития наук в данной стране. Изменился лишь формат и масштаб этих процессов, но значение ин-

дустрии никак не снизилось, хотя структурное соотношение между занятостью в производстве и сфере услуг, финансовом секторе существенно изменилось в пользу последних. Причина в автоматизации и повышении производительности современных производств, а не в том, что некие парадигмы что-то друг у друга заимствуют.

Кстати, если исследовать проблему заимствования, то необходимо учитывать и повышение эффективности, эффекты экономии классических производств. К сожалению, в переводных работах, предлагаемых российскому читателю и исследователю сообществу, эти проблемы никак не обозначены у тех исследователей, которые носят ореол мировых знаменитостей. Удивительно, но российские институционалисты, прекрасно знакомые с работами Т. Веблена, в частности с «Теорией праздного класса», с эффектом подставной праздности, почему-то не думают, что современная экономическая наука, подверженная этому же эффекту, помноженному на клановость, становится жертвой названных эффектов, создавая весьма далекие от адекватности понятия и доктрины, т. е. от жизни и наблюдаемых явлений, кои нужно и можно измерять цифрами.

Неолиберальная экономическая литература обычно дает такую трактовку событий кризиса 1998 г. и кризиса 2008–2010 гг.: в первом случае кризис якобы связан с издержками реформаторского этапа, во втором – вызван сугубо внешними обстоятельствами, прервавшими успешное развитие России с 2000 г.

Более того, обсуждаемые вопросы, имеющие чисто инструментальное значение, абсолютно расходятся с ориентирами социально-экономического развития России, установками, озвученными на заседании Государственного совета высшими руководителями: возвращение России в число мировых технологических лидеров, четырехкратное повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение доли среднего класса до 60–70 % населения, сокращение смертности в 1,5 раза и увеличение средней продолжительности жизни до 75 лет. Эти ориентиры касались развития до 2020 г. Видимо, с учетом кризиса 2008–2010 гг. эти параметры смогут быть отнесены к 2030 г. При планировании экономической политики в России стратегической задачей считается создание равных возможностей для людей, формирование мотивации к инновационному

поведению и радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда. Вместе с тем, согласно имеющимся прогнозам, фигурирующим в правительственных документах, цена на газ должна будет повыситься к 2020 г. в 3,66 раза, на электроэнергию – в 2,65 раза, на железнодорожные перевозки – в 2,25 раза при общем росте цен менее чем в 2 раза. При этом основной скачок тарифов на услуги естественных монополий приходится на первую половину прогнозного периода: к 2015 г. цена на газ должна вырасти в 3,3 раза, на электроэнергию – в 2,18 раза, на железнодорожные перевозки – в 1,84 раза при общем росте цен в 1,63 раза.

Каким же образом согласуются возможности реализации таких стратегических целей и используемых инструментов, особенно с учетом общей мировой динамики и процессов, наблюдаемых в международных отношениях? Более того, какие инструменты годны для решения трех групп острых проблем функционирования российской экономической системы?

Во-первых – макроэкономические:

- исчерпание интенсивности развития в рамках сложившейся хозяйственной структуры и сложившегося структурного перекоса – низкая конкурентоспособность и сложившаяся сырьевая экономика;
- относительно низкая норма накопления и диспропорции в реальном и финансовом секторах экономики;
- быстрый рост капиталоемкости добычи минерального сырья, снижение рентабельности и инвестиционной привлекательности проектов.

Во-вторых – технологические:

- отсутствие условий и обеспеченной потребности внедрения новых технологий;
- перенос (заимствование) высоких технологий, бывших в употреблении (второго эшелона);
- порочная структура затрат, которая не позволяет внедрять новые технологии и обеспечивать использование интеллектуального капитала.

В-третьих – социально-демографические:

- высокий уровень бедности, растущая дифференциация населения (коэффициент Джинни по России превысил значение 15);
- деградации человеческого потенциала (по уровню здоровья и квалификации);
- старение населения (в перспективе – быстрый рост пенсионной нагрузки).

Если все перечисленные процессы налицо, то экономический рост 2000–2008 гг. не сопровождался структурными улучшениями системы, повышением эффективности функционирования российской промышленности, технологического уровня производительных сил и конкурентоспособности экономики, происходил в условиях институциональной чехарды. В связи с этим возникают вопросы, как правильно поставить задачу управления на макроэкономическом уровне системы, как выделить подзадачи, имеющие явно подчиненное значение, как согласовать продвижение в решении множества задач. Усилия современного макроэкономического управления необходимо подчинить главной цели – преодолению системной дисфункции, снижению ее глубины и масштаба, а также дисфункциональности отдельных элементов. Но проблему можно осветить и шире – как экономическая теория связана с управлением и решением подобных задач. Разработанные автором ранее основы теории экономической дисфункции должны явиться в некоторой степени связующим элементом в прошлом не связанных областей экономической науки и управления, которые на самом деле являются имманентно связанными по природе вещей, ибо только решение и следующее за ним действие порождают затраты и создают связь тех параметров, которые использует исследователь для экономического анализа.

На проблему управления экономикой существуют две прямо противоположные точки зрения: неолиберальная (неоклассическая) и градуалистская, или дирижистская (институциональная). Первый подход говорит о том, что в социуме имеется конструкция, которая распределяет ресурсы эффективно, обеспечивая развитие в нужном для агентов направлении – это рынок. Второй подход говорит о том, что управление само по себе централизует любую подсистему, будь то фирма или экономика страны, что это неотъемлемый элемент функционирования социальной системы. Противопоставление этих двух подходов на протяжении жизни экономической науки, по мнению автора, имело контрпродуктивную основу, являлось отражением непонимания большинством теоретиков-экономистов задач и проблем, а часто и содержания самого управления, процессов организации хозяйства. Именно неучет фактора управления всегда являлся крупной методологической проблемой экономической науки. Определяющее значение фактору управления придавал А. Маршалл [3].

В связи с наличием такой дихотомии возникает и раздвоенность в экономической науке относительно значения государства, инструментов экономической политики и т. д. Либеральная часть экономистов в России, например, считает, что годы реформ были относительно успешными, решившими основную задачу. Однако фактический материал этого не подтверждает и приводит градуалистов к выводу о том, что либералы прикрывают ложью свои собственные действия, разрушив производственную систему страны, потеряв внутренний рынок, резко снизив управляемость экономикой. С либералами ассоциируется так называемый вашингтонский консенсус, с градуалистами – иные принципы, в частности московского консенсуса.

Конечно, можно считать успехами разрушение экономического потенциала страны (недавно второй промышленной державы планеты), физическое и моральное старение основных фондов, износ которых превышает 70%, и средний возраст оборудования промышленности – четверть века, а основные экономические показатели 2010 г. ниже уровня 1990 г., в том числе инвестиции – 56% к уровню 1990 г. Но тогда что же следует считать провалами? Одной из важных причин указанного положения экономики России является реализация навязанного вашингтонского консенсуса². Второй важной причиной является потеря управляемости экономикой страны, когда реформирование заменяло управление и сводилось по существу к ликвидации базы для экономического развития и эффективного управления. Приватизация стала лишь одним из инструментов, с помощью которых производился демонтаж не просто старой системы управления, но и системы управления экономикой в принципе.

Разрыв технологических цепочек в российской экономике и промышленности, ставший заметным фактором торможения в развитии экономики и чуть ли не главной причиной (препятствием) для инноваций, явился одной из причин создания в последнее время различных организационных структур, объединяющих предприятия одного сектора (корпораций, холдингов, концернов и т. п.). Например, создание концерна «Созвездие» для развития средств связи и присоединение к нему НПП «Волна» для развития нанотехнологий и др. Однако при всей привлекательности и целесообразности создания

комплексов предприятий, вертикально интегрированных структур задача разрывов в технологической цепи технических систем не получит должного решения, так как, собирая ранее разрушенное приватизацией и другими государственными решениями хозяйство, не происходит возвращения холдингам прошлых условий регулирования их деятельности, а налицо – потеря номенклатуры выпуска, сужение границ функционирования по фондам, кадрам, техническим задачам, разработкам, а значит, и разрывы в дальнейшем неизбежны. Поэтому эффективным выходом все равно должно стать совершенствование финансовых механизмов, финансовой системы в целом, способной выполнить роль такого регулятора уже в современных хозяйственных условиях. Причем и для мировой экономической системы более тесное сращивание финансовой системы с реальным капиталом и секторами экономики только и способно обеспечить ее большую стабильность и адекватность задачам развития, снижать потенциал и масштаб будущих кризисов.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. ярко высветил пороки современного устройства мировой капиталистической экономической системы. Англо-саксонская модель капитализма, в основе которой лежит либерально-рыночный подход (рыночное саморегулирование экономического развития), показала свою несостоятельность. Приведем некоторые данные, которые известны в научной литературе и на которые ссылается, в частности, П. Кругман:

- с 1979 по 2004 г. доходы самых бедных 20% населения США увеличились на 2,8%;
- общий долг всех агентов в 2007 г. составил 350% валового внутреннего продукта;
- долг на банковских картах составил 900 млрд долл.;
- задолженность американских семей увеличилась с 46% ВВП в 1979 г. до 98% ВВП в 2007 г.;
- повышение рентабельности капитала происходило за счет роста задолженности;
- потеря на деривативах компании Bear Stearns составляет порядка 13,4 трлн долл. (по состоянию на март 2008 г.);
- бюджетный дефицит – 12% ВВП, доля прибыли в ВВП финансового сектора в 1960 г. составляла 14%, в 2008 г. – 40%;
- всего 5% населения США присвоили 38% дохода и 50% национального достояния с 1990 по 2006 г.

² Автор еще 7–8 лет назад предлагал с подачи Д. С. Львова в противоположность «вашингтонскому консенсусу» принципы «московского консенсуса» [5].

Стареющее население США и других развитых западных стран обеспечивает сокращение совокупного спроса, увеличение пенсионной нагрузки и социальных расходов как бремени на бюджет и способствует увеличению задолженности посредством расширения ипотеки и потребительского кредита. Причем эти два фактора действуют в направлении образования финансовых пузырей по правилу Понци.

До последнего времени ограничения государственного регулирования (управления) экономикой преодолевалось как через механизм мультипликации денег, который для валют, имеющих свободное хождение (доллар, евро), стал носить международный характер, так и через использование производных финансовых инструментов и новых финансово-кредитных институтов (в частности транснациональные корпорации и транснациональные банки) для диверсификации рисков. Однако в конечном итоге стихийно-фиктивный процесс движения стоимости общественного продукта в воспроизводственном процессе привел к отрыву финансовой системы от реального сектора и утрате управления экономикой [6]. Похожие процессы отрыва финансового сектора от реального происходили и в развитых западных странах, обнажив неэффективность современных институтов регулирования и управления капитализмом. Обращающаяся стоимость на финансовых рынках во много раз (по экспертным оценкам, в 12–15 раз) превышает создаваемую стоимость в реальном секторе экономики. В мире стоимость деривативов оценивается до 800 трлн долл., а мировой ВВП составляет примерно 60 трлн долл. По данным Базельского банка международных расчетов, на июнь 2008 г. объем глобального рынка производных финансовых инструментов составлял 766,5 трлн долл. [9]. При этом почти 90% всего объема сделок приходится на внебиржевой рынок, который никем ныне не регулируется, и организаторы торгов на этом рынке не несут никакой ответственности.

Международный валютный фонд, ранее апологет вашингтонского консенсуса, в настоящее время заявляет о нежизнеспособности и даже опасности основных его принципов. Как известно, в основе консенсуса выступают: достижение низкого уровня бюджетного дефицита, снижение инфляции, свободный обменный курс валюты, свободный неконтролируемый финансовый рынок, свободное движение капитала и поощрение прямых иностранных инвестиций, дерегулирование экономики,

снижение вмешательства государства в экономику. Реализация этих принципов хорошо согласуется с задачей фонда – контроль за экономической политикой стран, нуждающихся в кредитах фонда, чтобы эти кредиты вернуть.

Международный валютный фонд призывает создать новую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор должен регулироваться государством, а доходы и блага будут распределяться по справедливости. Глобализация должна стать не капиталистической, а справедливой и с человеческим лицом. Блага от экономического роста должны широко распределяться, а не просто присваиваться горсткой привилегированных людей. Миру нужны новые подходы к принципам экономической и социальной политики внутри каждой отдельно взятой страны и на международной арене в целом. Финансовый сектор нуждается в серьезном хирургическом вмешательстве с точки зрения регулирования [1]. Но ведь провозгласить наличие болезни – это не значит найти рецепт ее излечения и устранения. Более того, наличие болезни не означает указания правильных причин ее возникновения, а поэтому и предполагаемое лечение может не дать ожидаемого результата.

Более того, неясным остается главное – способен ли капитализм и его базовые институты обеспечить предотвращение подобных кризисов в будущем. Если отойти от формулировки, касающейся частной собственности на средства производства, что и является атрибутом капитализма по его природе, нужно сказать и о том, что одного этого признака для объяснения кризисов недостаточно. Проблема гораздо шире. Капитализм возвышает институты владения, частной собственности, правила, отвечающие за капитал, его накопление, перемещение в мире, над институтами, отвечающими за труд, социальные функции, образование, здравоохранение, накопление и передачу знаний. Тем самым возникает институциональный конфликт, не только связанный с противоречием между общественным характером труда и частнокапиталистической формой присвоения, который присутствует и нигде не исчезал, но и правилами, которые имеют иерархическое расположение.

Именно такое подчиненное положение одних правил относительно других и делает систему капитализма такой, какой мы ее наблюдаем. Изменение роли международных финансовых организаций

решает задачи их выживания и коррекции базовых институтов капитализма, обеспечивающих жизнь финансовой системе, но они не изменяют главных соотношений, не снимают институционального конфликта, который с каждым годом становится все более определяющим, а совместно с глобальным эксцессом [5, 7] усиливает вероятность повторения мировых кризисов, изменяя и модифицируя факторную основу возникновения, порождения этих кризисов, что резко снижает возможности их прогнозирования и предупреждения. Возникает эффект, аналогичный лечению гриппа антибиотиками. Роль антибиотиков своеобразно играют изменяемые в ходе целенаправленных действий (управления) институты капитализма.

Экономическая наука, являясь элементом социальной системы, явно подстраивается под некоторые задачи управления, часто обслуживает эти институты, поскольку пытается найти улучшение этих институтов и повысить эффективность капитализма. Но важен следующий аспект: может быть, стоит задуматься вообще о перспективах такого улучшения и направить интеллектуальные усилия для поиска иных институтов и отказа от подобной сугубо капиталистической организации экономики? Желание сохранить status quo и финансирование этого желания заинтересованными сторонами создают ореол объективности достижений экономической науки, но никак не позволяют сказать, что одно общественное устройство лучше или хуже, чем другое. Для автора вполне очевидно, что труд и знание являются высшим достоянием человеческого общества. Именно эти два фактора обеспечивают развитие и решение научно-технических задач. Именно развивая эти две компоненты, возможно решать задачи выживания и безопасности, взять под контроль дисбалансы в области экологии и развития мира, прекратить войны на земле. Капитал же разъединяет, поскольку он индивидуалистичен и имеет свойство концентрироваться и порождать процедуры эксплуатации и выстраивания институтов под себя. Он стимулирует видение, согласно которому управлять экономикой могут спонтанные рынки, следовательно, решения человека, его действия, становятся подчиненные некой логике рынков.

Вместе с тем у экономической структуры имеется своя логика, которая не позволяет решить задачи, идущие с ней вразрез. Элементы системы, секторы экономики взаимодействуют друг с другом и внешними условиями, что создает инерцию их

движения, предопределяя их дальнейшее развитие. Балансирование макроэкономических индикаторов может совершенно не согласовываться с логикой развития отдельных, но довольно крупных, или базовых, элементов системы. Поэтому, реализуя мероприятия макроэкономической политики, необходимо неукоснительно принимать во внимание секторальные параметры и специфику движения элементов системы.

Структурная динамика секторов экономики: анализ отдельных параметров машиностроения и лесопромышленного комплекса

Проблема воздействия управленческими инструментами на отраслевую структуру экономики должна стать центральной при планировании макроэкономической политики. Понятие оптимальной структуры или оптимизации структуры относится к созданию режима наиболее благоприятного развития экономической системы в целом. Причем задача оптимизации может предполагать наличие нескольких критериев (целевых функций) и накладываемых ограничений, например на общую величину используемых ресурсов (в том числе финансовых), ожидаемый доход, величину экологического ущерба и т. д.

Введем для экономической системы следующие параметры:

- e_1 и e_2 – соответственно объем обработанного и сырьевого экспорта;
- P – численность занятых;
- Y – объем выпускаемой продукции (создаваемый доход);
- K – коэффициент структурной независимости;
- Z – закрытость экономической системы;
- i_1 и i_2 – величина обработанного и сырьевого экспорта.

Продукт можно представить состоящим из двух компонент: внутреннее потребление (обработка и сырье – vp_1 и vp_2) и экспорт (обработка и сырье – e_1, e_2), или

$$Y = vp_1 + vp_2 + e_1 + e_2.$$

Тогда в качестве показателя структурной независимости региона можно принять $K = e_1 / e_2$. Преследуя цель переключения экономики с сырьевой ориентации на инновационно-технологическую, сам процесс такого переключения должен выражаться в увеличении коэффициента K . Иными

словами, можно поставить задачу оптимизации структуры производства так: $K = e_1 / e_2 \rightarrow \max$. Введем показатель закрытости экономического сектора (системы) $Z = Y / (e_1 + e_2)$, величина выработки (уровень продукта на одного занятого) $y = Y / P$, а величина обработанного и сырьевого экспорта на одного занятого соответственно $i_1 = e_1 / P$ и $i_2 = e_2 / P$ (характеризует степень сырьевой ориентации, зависимости). Тогда можно получить

$$y = Z(i_1 + i_2) \text{ и } K = i_1 P / (i_2 P) = i_1 / i_2 = \\ = (y - Zi_2) / (Zi_2) = y / (Zi_2) - 1 \rightarrow \max.$$

Исследование функции $K(t)$ на экстремум, учитывая, что $y = y(t)$, $Z = Z(t)$ и $i_2 = i_2(t)$, дает следующий результат:

$$\frac{\partial y}{\partial t} = y \left[\frac{1}{Z} \frac{\partial Z}{\partial t} + \frac{1}{i_2} \frac{\partial i_2}{\partial t} \right]; \frac{1}{y} \frac{\partial y}{\partial t} = \frac{1}{Z} \frac{\partial Z}{\partial t} + \frac{1}{i_2} \frac{\partial i_2}{\partial t}.$$

Получив данное соотношение, сформулируем теорему проектирования оптимальной структуры экономики.

Оптимальная структура производства экономической системы (при $\frac{\partial K}{\partial t} > 0, t < t_0$, $\frac{\partial K}{\partial t} < 0, t > t_0$

– имеем оптимальную структуру несырьевого развития, а при $\frac{\partial K}{\partial t} < 0, t < t_0$, $\frac{\partial K}{\partial t} > 0, t > t_0$ – имеем устойчивую структуру сырьевого развития, полной структурной, ресурсной зависимости) достигается при условии, когда изменение продукта на одного занятого в этом регионе (выработки) пропорционально самой выработке с коэффициентом пропорциональности, равным сумме относительных приращений показателя открытости (закрытости) сектора и показателя его сырьевой зависимости i_2 .

В более удобном варианте эта теорема может звучать так: оптимальная структура производства экономической системы при условии реализации сценария несырьевого развития экономики достигается, когда относительное приращение выработки равно сумме относительных приращений показателя закрытости и показателя сырьевой зависимости сектора экономики $(\frac{\Delta y}{y} = \frac{\Delta Z}{Z} + \frac{\Delta i_2}{i_2})$.

Это же справедливо для экономической системы в целом – ресурсоемкой или зависимой от некоего сырья экономики страны.

Тем самым структурный анализ позволяет решать достаточно сложные задачи межсекторных взаимодействий в экономической системе и получать рекомендации по развитию реального и

финансового секторов экономики. Это развитие необходимо разворачивать при реализации двух принципов – специализации и согласования функций.

Применяя представленную простейшую модель (теорема оптимальной структуры экономического сектора), дадим общую результирующую характеристику эволюции российского машиностроения и лесопромышленного комплекса [6, 8].

Первое. Структурная независимость российской экономики по состоянию ее машиностроительного комплекса была довольно низкой по величине, причем коэффициент структурной независимости еще и неуклонно сокращался в период с 2000 по 2009 г. Только в период 1998–2000 гг. показатель структурной независимости возрастал, когда в постдевальвационный период были предприняты меры для стимулирования развития промышленности.

Второе. Показатель закрытости машиностроительного комплекса в 1998–2003 гг. возрастал, затем стал снижаться вплоть до 2008 г. Можно утверждать, что повышение уровня закрытости явилось отражением промышленной политики, направленной на поддержку отечественных производственных систем в этот период, особенно в 1998–2000 гг., что отразилось в инерционной динамике этого показателя вплоть до 2003 г. Снижение закрытости сектора со значительной вероятностью будет приводить к снижению показателя структурной независимости, провоцируя сокращение занятости в секторе и технологическую деградацию производства. За десять лет (с 1998 по 2008 г.) занятость в машиностроительном комплексе сократилась примерно с 4,8 до 3 млн чел. Темп роста доли импорта продукции машиностроения в несколько раз обгонял темп роста доли экспорта, который неуклонно снижался, следовательно, внешнеторговое сальдо для машиностроительного комплекса становилось отрицательным, увеличивая зависимость российской экономики от зарубежных средств производства, комплектующих, деталей машин, метиза и т. д. и т. п. Коэффициент импортной зависимости для машиностроения демонстрировал неуклонный рост.

Третье. Относительное приращение выработки в машиностроении имело устойчивую тенденцию к снижению, что не могло не сказываться на показателях эффективности производства, величине платежеспособности предприятий, возможностях получения кредита и др. (рис. 1–8).

Коэффициент структурной независимости в условиях кризиса 2008–2010 гг. в целом снижался

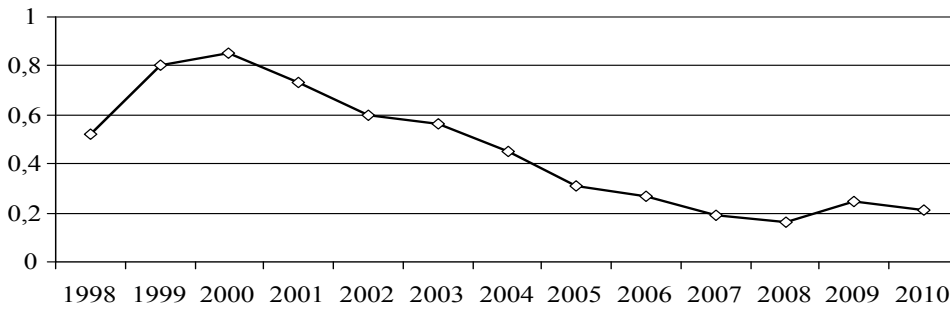

Рис. 1. Динамика коэффициента структурной независимости K машиностроительного комплекса РФ в 1998–2010 гг.

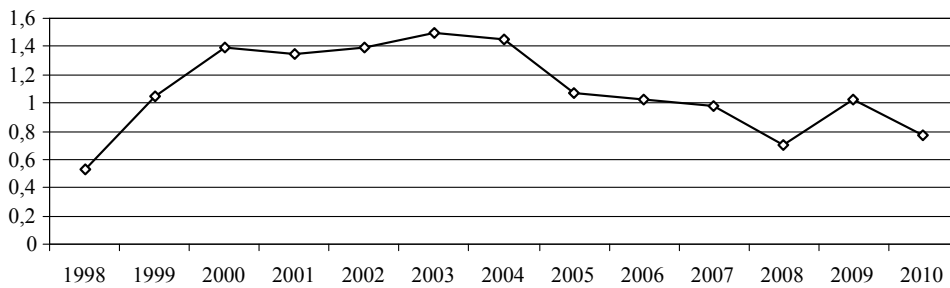

Рис. 2. Динамика параметра закрытости сектора Z для машиностроительного комплекса РФ в 1998–2010 гг.

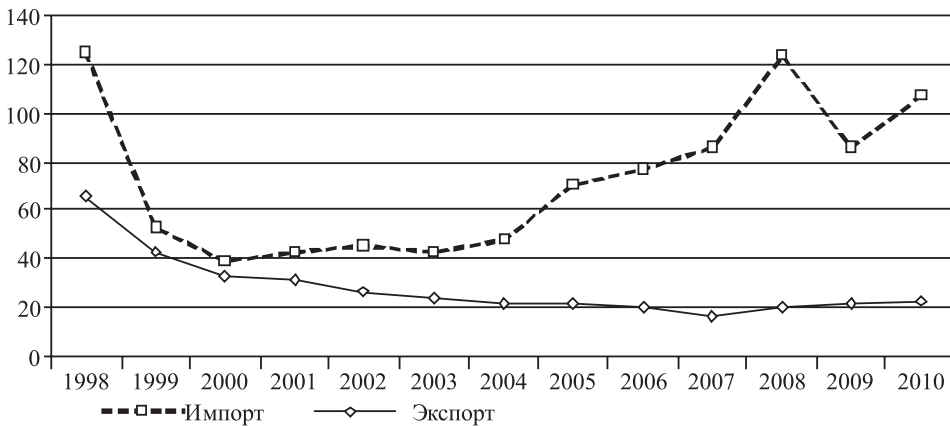

Рис. 3. Динамика доли экспорта и импорта машиностроения в общем объеме продукции комплекса в 1998–2010 гг., %

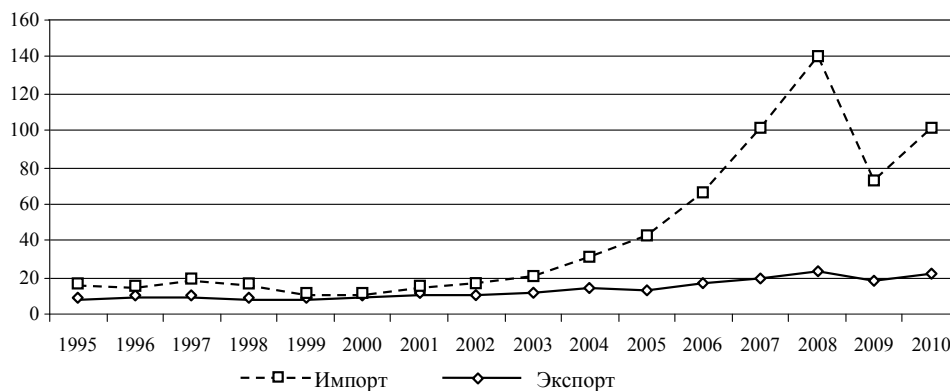

Рис. 4. Динамика экспорта и импорта машиностроения в 1995–2010 гг., млрд руб.

для машиностроения, хотя в первой фазе кризиса в конце 2008 г. и в 2009 г. он незначительно возрос.

Закрытость машиностроительного комплекса возрастала вплоть до 2003 г., затем она неуклонно снижалась, хотя в период кризиса 2008–2009 гг. опять возросла. Структурная независимость сектора несколько увеличилась в условиях кризиса, что вызвано общим спадом. Неуклонно с 2002 по 2010 г. возрастал объем импорта машиностроительной продукции, причем разрыв по сравнению с экспортом составляет уже более чем шесть раз. Относительное приращение выработки сокращается, показатель импортной зависимости возрастает. Кризис 2008–2010 гг. сильно сократил объем импорта машиностроения, однако при выходе из кризиса концу 2010 и началу 2011 г. импорт быстро восстанавливался, а экспорт практически не изменился. Таким образом, рост российской экономики в 2008–2011 гг. сопровождался резким ухудшением показателей структурной зависимости обрабатывающих производств, и в частности, базового производства – машиностроения. Либеральные подходы к экономической политике, которые, по всей видимости, намеренно не замечают подобных тенденций, требуют неукоснительного замещения, потому что,

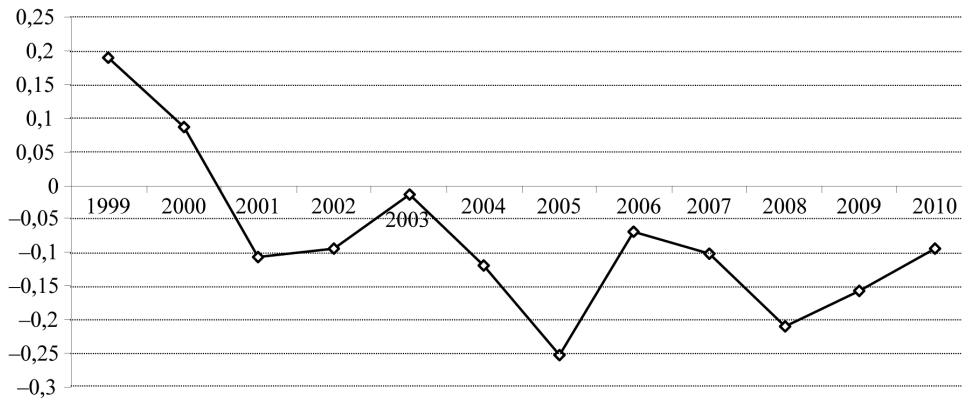
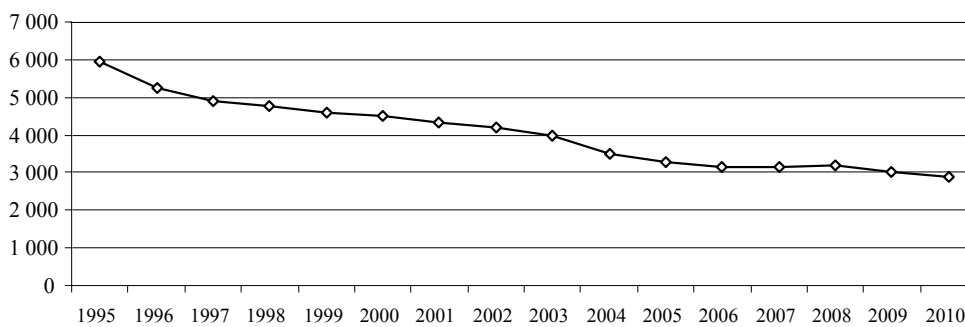
Рис. 5. Динамика величины $W = \Delta y / y - (\Delta z / z + \Delta i_2 / i_2)$ в 1999–2010 гг.

Рис. 6. Численность занятых в машиностроении РФ в 1995–2010 гг., тыс. чел.

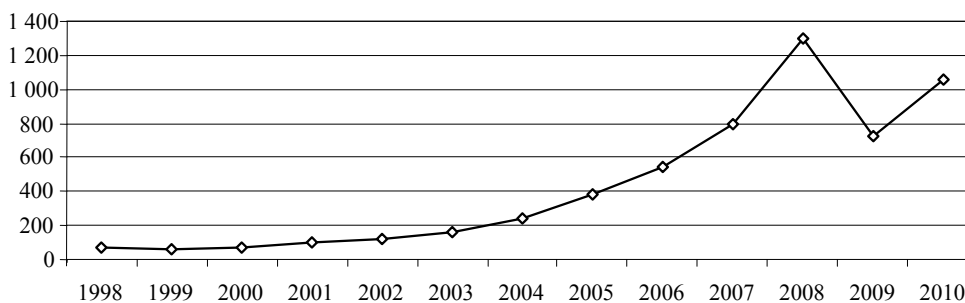
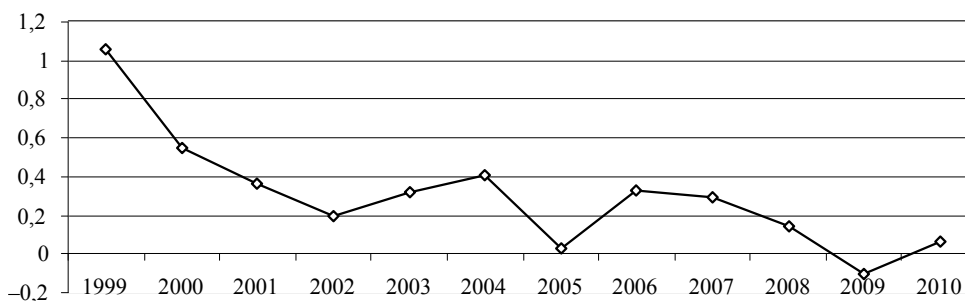
Рис. 7. Динамика показателя импортной зависимости системы для российского машиностроения i_2 в 1998–2010 гг., тыс. руб.

Рис. 8. Динамика относительного приращения выработки в машиностроении РФ в 1999–2010 гг.

обозначив отечественные производства неэффективными, невозможно решить проблему их эффективности, отдавая внутренний рынок конкурентам, отдавая активы этих предприятий западным конкурентам, лишаясь инженерных кадров, блокируя кредит и возможности инвестирования. Согласно используемой модели проводится явная политика укрепления структурной зависимости отечественных производств от внешних факторов – инженерного потенциала, инвестиций (кредитов) и т. д.

Для сырьевого сектора, коим является лесопромышленный комплекс, ситуация и в условиях кризиса, и при росте значительно лучше, чем в машиностроении (рис. 9–11). Показатели для лесопромышленного комплекса лучше по значению в связи с тем, что в большом объеме экспортируется лес, первично обработанный, т. е. сырье, а не продукция конечного потребления из дерева. Поэтому для решения задач модернизации экономики и осуществления управляемых структурных изменений машиностроительный и лесопромышленный комплексы составляют стартовую площадку подобных преобразований и правительственных мероприятий. Необходи-

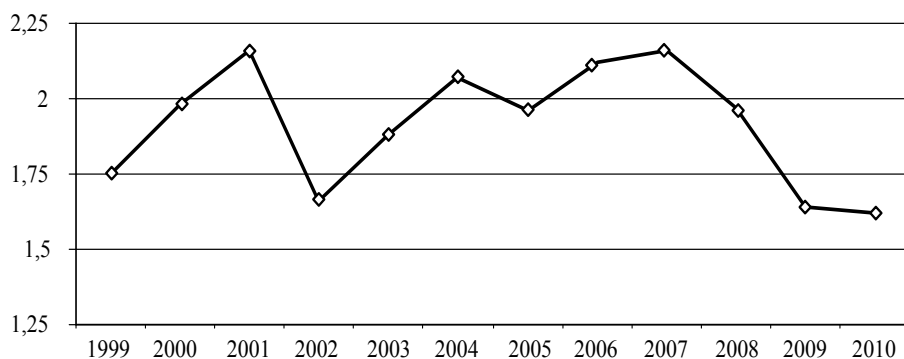

Рис. 9. Динамика коэффициента структурной независимости K лесопромышленного комплекса России в 1999–2010 гг.

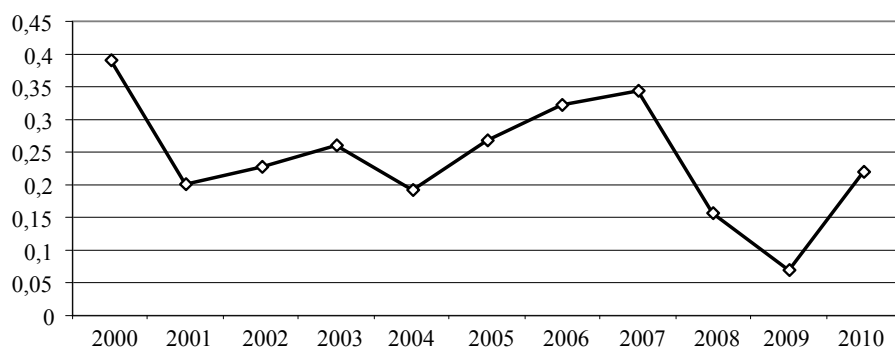

Рис. 10. Динамика относительного приращения выработки в лесопромышленном комплексе России в 2000–2010 гг.

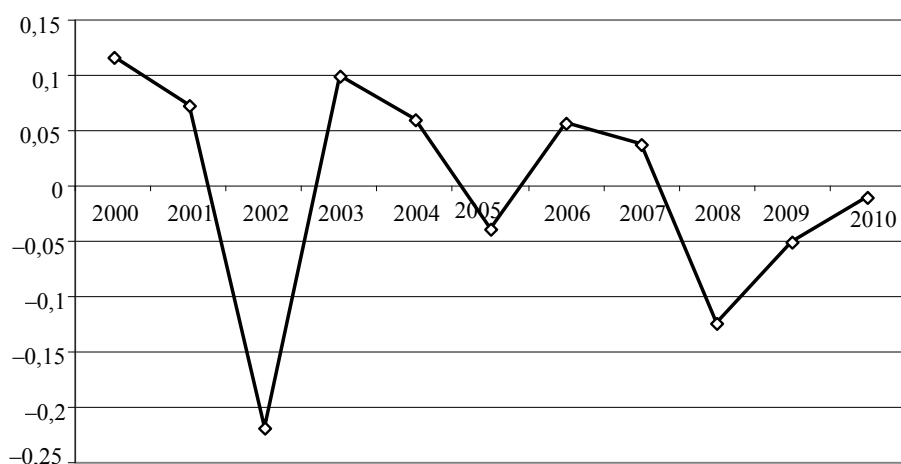

Рис. 11. Динамика величины W в 2000–2010 гг.

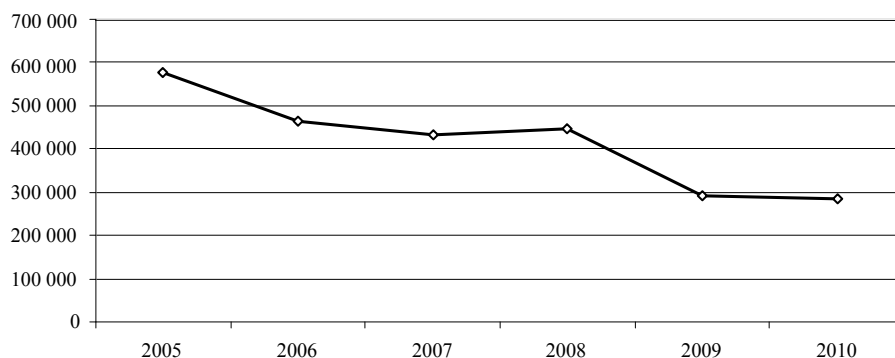

Рис. 12. Количество юридических лиц, созданных в России в 2005–2010 гг.

мо выбрать ту структуру и ту систему методов воздействия на сектор, которые обеспечили бы наиболее приемлемый коэффициент структурной независимости и величину W , близкую к нулю, при соответствующем изменении коэффициента K .

Интересно отметить, что в России число созданных юридических лиц неуклонно сокращалось и до кризиса 2007–2009 гг., и в период кризиса, доля банкротств в среднем возросла, доля реорганизаций увеличивалась, а вот общее число организаций, прекративших свою деятельность, возрастает перед кризисом, но в период кризиса – снижается (рис. 12–15). В машиностроении наблюдается рост числа неплатежеспособных предприятий в период 2008–2009 гг., сокращение занятости и числа заказов. Курс на заимствование технологий и расширение «отверточных производств» загоняет проблему структурообразования и управления структурой экономики вглубь, не ликвидируя главной тенденции увеличения структурной зависимости экономики и отечественных производств. Необходим качественно новый подход в макроэкономике, предусматривающий стимулирование отечественных производств, поощрение внутреннего рынка продукции отечественного производства, конкурентоспособности. Под эту задачу необходимо формировать и структуру затрат, и макроэкономические пропорции всей системы, включая промыш-

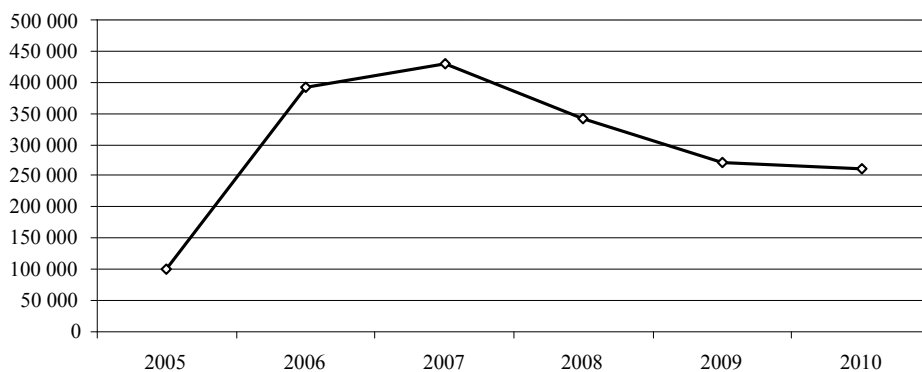

Рис. 13. Количество юридических лиц, прекративших свою деятельность в 2005–2010 гг.

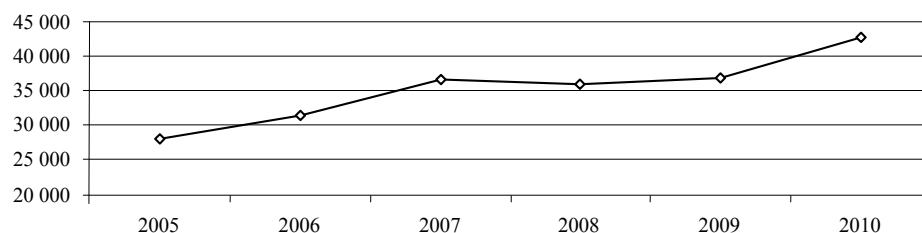

Рис. 14. Количество юридических лиц, ликвидированных в ходе реорганизации в 2005–2010 гг.

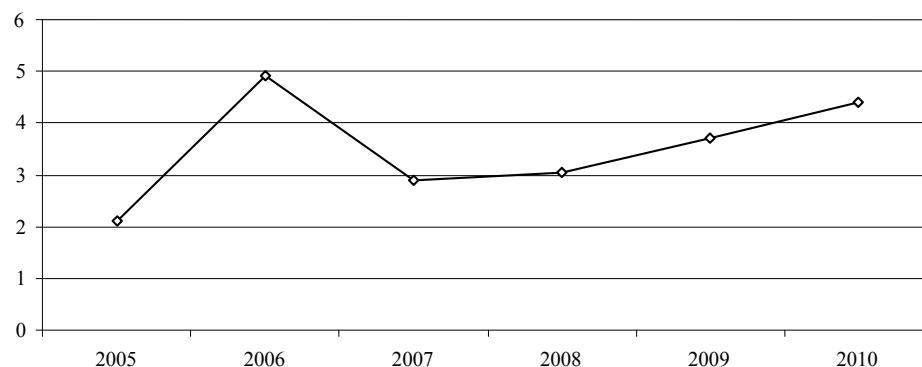

Рис. 15. Доля банкротств от числа организаций, созданных в 2005–2010 гг.

Список литературы

1. Баикатова А. Глобализм с человеческим лицом. «Вашингтонский консенсус» не выдержал проверки экономическим кризисом // Независимая газета, 2011, 6 апреля.
2. Зыкова Т. Без закрытых тем // Российская газета, 2011, 15 марта.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.
4. Письменная Е. Бедность как угроза // Ведомости, 2011, 17 августа.
5. Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика. М.: Экономика, 2007.
6. Сухарев О. С. Структурные проблемы экономики России: теоретическое обоснование и практические решения. М.: Финансы и статистика, 2010.
7. Сухарев О. С. Теория экономической дисфункции. М.: Машиностроение, 2001.
8. Сухарев О. С. Экономическая политика и развитие промышленности. М.: Финансы и статистика, 2011.
9. Bank for International Settlements (BIS) . URL: http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qa0812.htm.

ленность. Это предполагает применение системного мышления в макроэкономике, развитие структурной макроэкономики.

Проблема фондов и кадров резко увеличивает свою актуальность, потому что свободными мощностями, которые служили бы хорошей базой для выхода из кризиса, промышленные производства России практически не располагают, иными словами, требуются существенные инвестиции в создание новых фондов, которые в свою очередь ограничены возможностями заимствования и величиной сбережений. Следовательно, возможно лишь долговременное воздействие на экономическую систему с планомерным решением задач по формированию ее экономической и индустриальной структуры. Макроэкономические инструменты необходимо подчинить решению обозначенных задач.